

Когда Хан Сычжоу вернулся в гостиную, девушка, еще недавно увлеченно смотревшая телевизор, уже спала, уткнувшись личиком в подлокотник дивана.

Пестрые отсветы с экрана ложились на ее кукольное личико, а длинные ресницы, опущенные на щеки, походили на два пушистых веера.

«И почему эта мелкая даже во сне так похожа на своего папашу?»

Сычжоу осторожно коснулся пухлой щеки кончиком пальца, а затем не удержался и слегка ущипнул.

Мягкая, словно облако.

Он хотел ущипнуть еще раз, но сзади послышались шаги.

— Наверное, днем так и не уснула, — Сяо Хан обошел Сычжоу и, наклонившись, бережно взял Ханьхань на руки.

— И что теперь? — спросил Хан Сычжоу. — Так и оставить спать?

— Пусть подремлет, — ответил Сяо Хан. — Мама звонила. Сказала, что освободилась раньше времени и скоро заедет за ней.

Сычжоу удивленно приподнял брови:

— Так быстро?

В его голосе прозвучало легкое разочарование, которого он и сам не заметил. Но Сяо Хан уловил эту нотку и бросил на него быстрый, удивленный взгляд.

Поняв, что мужчина собирается отнести дочку в гостевую спальню, Сычжоу преградил ему путь:

— Неси в главную.

Вчера, проснувшись, Сычжоу успел осмотреть весь дом. В гостевой спальне хоть и убирались время от времени, но она выглядела заброшенной и холодной — не лучшее место для ребенка.

Сяо Хан на мгновение замер с девочкой на руках. В его глазах снова промелькнуло изумление, которое он даже не попытался скрыть.

За последние два дня Сычжоу слишком часто заставлял его удивляться.

Это невольно возвращало к одному и тому же вопросу: ради чего все это? К чему эти перемены?

Хан Сычжоу вернулся к дивану.

Он сидел спиной к коридору и не видел, как мужчина еще долго стоял в дверях, задумчиво и напряженно провожая его взглядом.

Сычжоу собирался выключить телевизор, но случайно нажал на кнопку главного меню и наткнулся на фильм, который давно собирался посмотреть в кинотеатре.

Кто же знал, что он перенесется на десять лет вперед, так и не успев его увидеть.

«Зато теперь посмотрю бесплатно», — подумал он и запустил трансляцию.

Это была биографическая драма о жизни его любимого пианиста Хуан Яна.

Сценарий картины, поговаривали, создавался под бдительным контролем самого музыканта и получил его полное одобрение.

Позади раздались тихие шаги.

— Уложил? — обернулся Сычжоу.

Сяо Хан молча кивнул.

Сычжоу с облегчением прибавил звук. До этого он убирал громкость почти до нуля, боясь разбудить Ханьхань.

Чтобы создать нужную атмосферу, он погасил свет в гостиной. Теперь комнату освещал лишь холодный белый экран да слабый теплый луч, падающий из коридора.

Вскоре Сяо Хан подошел ближе, держа в руках планшет, и бесшумно опустился на диван рядом с Сычжоу.

Делить с ним этот вечер Сычжоу совершенно не хотелось, но Сяо Хан вел себя тихо, уткнувшись в экран своего устройства, будто растворившись в воздухе. Не желая портить себе настроение спорами, Сычжоу быстро переключился на фильм.

Детство Хуан Яна трудно было назвать счастливым. Однако, в отличие от многих других великих композиторов, его музыка всегда дышала невероятной, бурной жизненной силой.

Сычжоу отчетливо помнил тот день, когда впервые услышал его исполнение. Чувства тогда захлестнули его, словно бурный горный поток, низвергающийся с высоты.

Именно в то мгновение он по-настоящему влюбился в рояль.

И хотя позже по ряду причин ему пришлось бросить музыку, это не мешало ему по-прежнему искренне восхищаться великим пианистом.

Но реальность превзошла все его ожидания. Детство Хуан Яна оказалось куда мрачнее, чем Сычжоу мог себе представить: измены отца, домашнее насилие... и, наконец, самоубийство папы, вскрывшего вены в ванной.

Атмосфера фильма становилась все более гнетущей.

На экране маленький, взъерошенный ребенок босыми ножками бежал по бесконечному, темному коридору.

Камера двигалась за ним, передавая субъективный взгляд испуганного мальчика: внезапно гаснущий свет, глухой топот шагов и прерывистое, паническое дыхание.

«Твою же мать», — мысленно выругался Сычжоу.

Разве это биографический фильм? Зачем использовать приемы из фильмов ужасов?

С самого детства он ничего не боялся так сильно, как историй о призраках и ледящих душу триллеров.

Сычжоу весь сжался, мертвой хваткой вцепившись в подлокотник дивана. Сердце колотилось где-то в горле.

Он мог бы выключить этот чертов фильм, но рядом сидел Сяо Хан. Показать ему свой страх было хуже смерти. Лучше уж умереть от разрыва сердца прямо здесь.

Наконец ребенок преодолел темный коридор и остановился перед дверью ванной комнаты.

Его костлявая, истощенная ручка легла на дверное полотно. Там, за этой дверью, в луже крови лежал его отец. А на косяке алел жуткий кровавый след ладони.

— Папа?.. — в мертвой тишине прозвучал слабый детский голосок.

У Сычжоу похолодело внутри. Сердце, казалось, пропустило удар.

Прежде чем разум успел хоть что-то осознать, тело сработало на чистых инстинктах. Он рванулся вбок и буквально взлетел на колени к сидящему рядом мужчине.

Обхватив его руками и ногами, Хан Сычжоу замер, обвившись вокруг Сяо Хана, точно испуганный уж.

— Папа?

Голос повторил вопрос. Но на этот раз он прозвучал гораздо четче и ближе.

И показался до странности знакомым.

Сычжоу не успел сообразить, что происходит, как крепкая мужская ладонь легла ему на талию, а вторая потянулась к пульту и нажала на паузу.

— Ханьхань? Ты проснулась?

Сычжоу медленно повернул голову в сторону коридора.

Малышка стояла в дверях, сонная, потирая кулачком глаза, и с крайним недоумением смотрела на них.

— Папа, а что вы делаете?

Сычжоу опустил взгляд и столкнулся с глазами Сяо Хана, который снизу вверх смотрел на него.

Хан Сычжоу: «...»

С каменным лицом, пытаясь придать голосу хоть какую-то уверенность, он выдавил:

— На диване слишком жестко... Папа просто решил немного посидеть у папы на коленях.

Сяо Хан: «...»

Ханьхань просто захотела пить.

Утолив жажду, она послушно позволила Сяо Хану унести себя обратно в спальню. Однако засыпать наотрез отказалась и, достав привезенную с собой книжку с картинками, потребовала сказку на ночь.

Пока Сяо Хана не было рядом, Сычжоу не решался продолжить просмотр. Но и зайти в детскую ему не хватало духу — он до смерти боялся, что девчушка снова начнет задавать каверзные вопросы.

Он просидел в гостиной недолго: вскоре в прихожей раздался звонок. Приехала мать Сяо Хана, Кан Ин.

В отличие от напористой и шумной матери самого Сычжоу, Кан Ин всегда была женщиной мягкой и утонченной. Время словно пощадило ее, оставив лишь едва заметные лучики морщинок в уголках глаз, когда она тепло улыбалась.

Сычжоу видел ее и раньше, но теперь их статус в корне изменился.

Он стоял перед ней, переминаясь с ноги на ногу, пока наконец сквозь силу не выдавил:

— Мама.

Кан Ин застыла на месте:

— Как ты меня назвал?

«Если не "мама", то как?»

Сычжоу решил исправить ситуацию:

— Э-э... свекровь?

Кан Ин: «...»

Человек, который за все годы брака ни разу не назвал ее ни матерью, ни свекровью, вдруг выдал оба обращения подряд. Пожилая женщина не на шутку растерялась.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга, после чего Кан Ин осторожно приложила ладонь к его лбу. Температуры вроде бы не было. С чего тогда такие странности?

Сычжоу тоже растерянно коснулся своего лба.

«Что-то не так?»

Когда Сяо Хан укладывал дочку, он снял с нее носочки и платье, чтобы ей спалось комфортнее. Теперь свекровь аккуратно одела внучку и уже собиралась взять ее на руки, как вдруг малышка обхватила ее за шею и спросила:

— Бабушка, а можно я поеду у тебя на коленях?

При всей своей мягкости, Кан Ин никогда не потакала капризам:

— Нельзя, Ханьхань. Тебе нужно сидеть в своем детском креслице.

— Но младший папа только что сидел на коленях у старшего папы!

Она обиженно надула губки, на которых проступили очаровательные ямочки:

— Он сказал, что диван слишком жесткий. А мое кресло тоже ужасно жесткое!

Кан Ин: «...»

Сяо Хан пошел проводить маму и дочку вниз.

Когда девочка забралась на заднее сиденье машины, он привычно попрощался с ней. Но стоило ему обойти автомобиль, чтобы открыть дверь матери, как Кан Ин мягко удержала его за рукав.

Уведя сына в густую тень раскидистого дерева, она негромко произнесла:

— А-Хан, я думаю, нам нужно поговорить начистоту.

Сяо Хан опустил взгляд:

— Что случилось?

Кан Ин поджала губы:

— Вы с Сычжоу... все-таки разводитесь?

Она вздохнула и продолжила:

— Если вы можете жить вместе — живите нормально. Но если развод неизбежен, прекратите устраивать эти семейные спектакли перед ребенком. Не нужно строить из себя любящую пару. Иначе потом, когда все вскроется, девочке будет только больнее.

Она помолчала, подбирая слова:

— Сычжоу не любит детей, так что просто оставь Ханьхань мне. Я и так забочусь о ней все это время, продолжу растить ее сама.

Обычно послушный и почтительный Сяо Хан вдруг сухо перебил ее:

— Разве все это время о ней заботилась не няня?

Кан Ин опешила:

— Как ты разговариваешь с матерью?

Сяо Хан нахмурился, но спорить не стал. Он лишь коротко кивнул:

— Я понял.

Провожая взглядом удаляющуюся фигуру сына, Кан Ин тяжело вздохнула.

Ей всегда нравился Хан Сычжоу, но его поведение в последние годы заставило ее сердце остыть. Как мать, она не могла спокойно смотреть, как страдает ее сын. И хотя понимала, что лезть в чужую семью не стоит, сдержаться не смогла.

Ей оставалось лишь надеяться, что Сяо Хан не затаит на нее обиду.

Быстро ополоснувшись под душем, Сычжоу рухнул на кровать и открыл чат со своими друзьями.

«Чжоучжоу: Парни, а я раньше когда-нибудь жаловался вам на проблемы со свекровью?»

«Красавчик Янь:???»

«Красавчик Янь: Свекровь? Какая еще свекровь?»

Сычжоу озадаченно почесал затылок.

«Чжоучжоу: Кажется, мать Сяо Хана меня недолюбливает. Хотя раньше она ко мне отлично относилась. Может, мы с ней разругались из-за воспитания ребенка за эти годы?»

Отправив сообщения, Сычжоу перевернулся на спину, собираясь продолжить переписку.

Но стоило ему поднять глаза, как он увидел Сяо Хана. Тот стоял у постели с абсолютно непроницаемым лицом.

Сычжоу замер. Сколько он здесь стоит? Экран телефона лежал открытым — неужели этот пес-мужчина все прочитал?

В любой непонятной ситуации лучшая защита — это нападение.

— Ты что, кот?! — возмутился Сычжоу. — Почему ходишь бесшумно?

Смартфон в его руке продолжал вибрировать от новых сообщений, вторя бешеному стуку его собственного сердца.

Сяо Хан молча смотрел на него. Его обычно бесстрастное лицо казалось напряженным, линия челюсти заострилась, а в глубине темных глаз застыла непроглядная глубина.

«И чего он опять взъелся?» — подумал Сычжоу.

Проводил дочку — и сразу туча тучей. Взрослый ведь мужчина, а из-за мимолетного расставания так расклеился.

Поворчав про себя, Сычжоу все же решил проявить великодушие. В конце концов, этот парень сегодня и готовил, и посуду мыл.

— Тоже скучаешь по Ханьхань? — миролюбиво спросил он.

Пусть Сяо Хан и казался суровым сухарем, Сычжоу видел, что отец он замечательный. Он ожидал встретить деспотичного и вечно недовольного родителя, а получил на редкость заботливого папу.

— Тоже? — переспросил Сяо Хан.

Сычжоу недовольно поморщился.

И почему этот зануда вечно цепляется к словам? Какая разница, «тоже» или нет! Главный вопрос был в другом.

Мужчина не сводил с него глаз:

— Как думаешь... может, заберем Ханьхань и будем воспитывать сами?

Сычжоу удивленно моргнул:

— Мать тебе что-то высказала?

Вместо ответа Сяо Хан повторил:

— Ты этого хочешь?

Сам Сычжоу в уходе за детьми ничего не смыслил. Сейчас у него и без того голова шла кругом, и лишние заботы в виде маленького ребенка были ни к чему. Однако где-то в самой глубине души, там, где Ханьхань успела оставить свой крошечный след, что-то дрогнуло.

— Если ты хочешь, я не против, — уклончиво ответил Сычжоу, переводя стрелки на мужа.

Сяо Хан долго и пристально вглядывался в его лицо, а затем вдруг горько усмехнулся:

— Раньше ты терпеть не мог, когда она гостила у нас.

«Да что с ним сегодня такое? То хмурится, то скалится, то дурацкие вопросы задает».

Сычжоу сердито сверкнул глазами:

— Раньше я и тебя терпеть не мог. Но ведь как-то женился?

Сяо Хан слегка наклонил голову набок и вдруг резко подался вперед.

Сычжоу даже охнуть не успел, как оказался прижат к мягкому матрасу тяжестью чужого тела. Их лица оказались так близко, что они едва не соприкасались лбами.

Кожу обдало чужим дыханием — чуждым, но в то же время до боли знакомым ароматом.

Сычжоу инстинктивно уперся ладонями в его грудь, пытаясь оттолкнуть, но сильные пальцы мужчины лишь крепче сжались на его талии, лишая малейшей возможности сдвинуться с места.

— А сейчас? — негромко спросил Сяо Хан.

Свет лампы оказался перекрыт его широкими плечами, и Сычжоу видел лишь безупречную линию его носа и тень, которую длинные ресницы отбрасывали на глаза.

— Все еще ненавидишь меня?

<http://bllate.org/book/18323/1756535>